

СВЕТЛЯЧОК

13.05.2016

№ 5(62). Май 2016 года

• Помним!

СЛЕДЫ ВОЙНЫ

На поле битвы –
Низкий бугорок
И чуть приметный
Деревянный крест.
Кругом пустырь:
Ни стёжек, ни дорог,
Один лишь ветер
Средь равнинных мест.
Здесь шли бои
И трескалась земля,
Дым застилал
Воронки и окопы,
Давились гарью
Хлебные поля.
Под игом немцев было
Пол-Европы.

Но русский Ванька,
Славный наш Иван,
Вставал под пули
И врага громил.
Он в чистом поле,
Где трава-дурман,
Оставил сотни,
Тысячи могил.

Но он сумел
Свободу отстоять
И от чумы очистить
Нашу Русь.
Его из бронзы
Надо бы ваять,
А я боюсь войны,
Опять боюсь...

Наталья Шабанова

РЕКОНСТРУКЦИЯ БОЯ

«За Родину! Вперёд!», – кричал майор.
Вставала в рост безусая пехота.
А немцы из орудия – в упор,
Из скрытого в лесочке где-то дзота.

Я видела всё это наяву.
Мальчишки так в войну вчера «играли».
Не для забавы душу в клочья рву,
А чтобы мы о ней не забывали.

Солдатской каши разовой паёк,
И фронтowych сто грамм. Как снег искрится!
Давай с тобой тихонечко споём,
О том, как гнали фрицев от столицы.

Споём за тех, кому уже не встать.

Их имена вот здесь, на обелиске.
Не дождалась жена, невеста, мать...
И рвётся память снова в путь не близкий.

Светлана Большенкова

ПОБЕДИТЕЛЯМ

Две трети столетия, как стихли раскаты
Битв жестоких последней всемирной войны,
И живущие ныне седые солдаты
Давно уже видят только мирные сны.

Но запомнили вы горечь первых сражений,
Дым горящих хлебов и чужие кресты,
Глаз прощальный укор и тщету сожалений,
Рукопашные схватки у последней черты.

Вы в смертельных боях, а их было немало,
Отстояли Москву, Сталинград, Ленинград.
За спиною родные, родная Держава.
Поклялись перед ними: «Ни шагу назад!».

Эту клятву сдержали и на всех переправах
Сквозь бомбёжек, обстрелов огнедышащий ад,
Через тонны воды, что стеною вставали,
Теперь только "Вперёд!" и "Ни шагу назад!".

Вы фашизму хребет в сорок пятом сломали.
И в кипеньи садов той далёкой весны –
"Враг разбит! Враг разбит!" и "Победа за нами!",
Груда вражьих знамён у кремлёвской стены.

И победы с годами не меркнет сиянье,
Несмотря на наветы всех мастей подлецов.
Поколениям грядущим от вас завещанье –
Быть достойными трудной ратной славы отцов!

Александр Мальчуков

* * *

На старой каске ржавчины кусок.
Дыра от пули – ровные края.
Солдат убит был снайпером в висок –
У каждого в бою судьба своя.

Железо в грудь – и сердце пополам...
Недалеке лежит другой боец.
Был окружен, и подорвался сам...
Проигран бой, но это не конец.

Кто похоронен, кто-то, точно, нет.
Не розы в изголовье, а трава.
Прошло с тех пор уже немало лет...
Россия помнит – потому жива.

Сквозь дыры в каске васильки глядят –
И из нее водицы не попить...
Мы не забудем павших никогда,
Поэтому Россия будет жить.

Иван Кирпичёв

- Хотите – верьте...

Этого лохматого я видел

Шёл сорок четвёртый год. И в этом году отец добровольно ушёл на фронт с частями Красной армии добивать гитлеровцев. У него была экзема на ногах, поэтому до сих пор его и в армию не брали. Но всё же, несмотря на болячки его зачислили в пехоту.

Нас, детей, у матери осталось пятеро. За день мы уставали от работы, пусть и посильной, какую давала нам мама. Так она приучала нас к труду. А то и так набегаешься за день, намаешься и думаешь только о том, как быстрее добраться до кровати. Но сколько ни бегай, а вечером мама нас ставила в шеренгу, и мы должны были под её диктовку повторять молитву. Нам, детям, очень не хотелось молиться, но мама была строгая. Никому никаких поблажек не было, кроме маленького годовалого Мити. Мы, четверо, становились на свои места и молились. Чтобы нас привлечь к молитве, мама всегда говорила: «Надо молиться за батьку, чтобы он вернулся живым домой». Мы понимали, как без батьки скучно, и усердно молились за него.

В тот вечер у меня было какое-то недомогание. Я стал проситься, чтобы мама отпустила меня спать.

– Мамка, милая, но мне тяжело.

Но мама отрезала:

– Только после молитвы. Если не будешь молиться, то тебя чёрт может взять.

– А где этот чёрт? – спросил я на свою беду.

Мама показала на окно. Перед тем, как мы готовились к ночлегу, мама всегда открывала окно для проветривания. А под потолком висела керосиновая лампа, освещающая комнату и небольшую часть улицы. Видимо, мама сообразила, что сказала лишнее, но было поздно – я уже прилип к окну.

Метрах в шести от окна по направлению ко мне двигалось что-то лохматое. Он махал ногами, но земли не касался, как бы парил в воздухе. Но передо мной стал на землю и протянул руки: мол, иди ко мне. Я успел его хорошо рассмотреть: ростом где-то полтора метра или чуть меньше, лицо красивое, но очень чёрное, маленькие глазки светились, как два уголька. Это свидание длилось около секунды. Я опомнился и крикнул не своим голосом. Мама сразу же подскочила ко мне, схватила на руки. Я ручонками обхватил её шею, их заклинило, как в замок. Мама пыталась оторвать меня от себя, но не получалось.

Тогда она приказала остальным лечь в постель, а посреди – оставить место для меня. Потом наклонилась вместе со мной и начала уговаривать:

– Теперь маму можешь отпустить, ты будешь спать посередке, никто тебя никуда не возьмёт, сестричка с братиками тебя не отдадут.

И я освободил мамину шею. Она нас накрыла одеялами, перекрестила, а мы, ребята, ещё видели, как мама начала молиться. Но потом быстро уснули глубоким сном.

Спустя годы я часто думаю о том случае. Возможно, это было детское воображение? Но как я мог заметить, что у него одни ладони не в шерсти, глаза ясные, лицо чистое, почти красивое и слишком чёрное. Может, это всё-таки было наяву?

Юрий Мотря, Андреаполь

- Устами младенца

Вечером с дочерью возвратились с огорода. Устали. Пришла соседка. Беседуем о том, о сём. Заходит разговор о вечерней церковной службе, на которой соседка была. Вспоминаем молитву «Богородица Дева, радуйся». Ребёнок, как нам кажется, занят своим делом.

Когда соседка уходит, малышка тот час же подбегает ко мне с вопросом: «Вы с тётёй Валей говорили о том, как нам на огороде было радостно?».

Вспомнила Ирина Пушкина

С детского концерта возвращаются мама с дальней родственницей и с дочкой, как раз в этом концерте участвовавшей. «Ну, талант она у тебя, просто звезда», – хвалит родственница. И как обычно, болтают о разном, забыв о плетущемся сзади ребёнке. Вдруг детский голосок прерывает беседу:

– Пошли быстрей, ваша звезда совсем замёрзла.

Рассказали работники андреапольской библиотеки

• Непридуманные истории

Привраж

Виктор не жил в нормальной семье. Отца у него не было, его вырастили мама с бабушкой, пьющие люди. От пьянки они преждевременно и ушли в мир иной.

Виктор жил один. Желания иметь настоящую семью с добropорядочным продолжением рода у него не возникало. Плыл по течению, перебиваясь случайными заработками, которые расходовал на вино. Единственным его достоинством было то, что он хорошо знал и любил технику.

Никто не удивился, когда в его доме произошел пожар. Огонь уничтожил все, и хорошо, как говорили в деревне, что дом стоял на отшибе, и пламя не задело другие дома. В огне погиб и Виктор.

Обычно по тем, кто ведет такой беспорядочный образ жизни, в деревне не убиваются. Да и плакать было особо некому. Родных-то у Виктора на тот момент не было.

Но Виктор, даже мертвый, не дал забыть о себе. Его образ вырисовывался на фоне сгоревшего дома. Да ладно бы одному человеку. Любой, проходивший мимо, видел его силуэт. На людей это наводило страх. Миновать эту дорогу было нельзя.

И тогда люди решили: они видят образ Виктора только потому, что он не предан земле. Пусть нет родных, чтобы его похоронить, но есть земляки, на глазах которых он рос.

Они пришли на пожарище, чтобы отыскать кости, и закопали их на местном погосте. С тех пор силуэт Виктора они больше не видели.

Сто три года

Прасковья была злой на язык и постоянно досаждала зятю подколами и наставлениями. Считала, что ей уже за 80 лет, у нее большой жизненный опыт, и она вправе давать советы любые, ей есть чему поучить детей, невесток и зятя. То, что она делала это в грубой и нетактичной форме, ее не беспокоило. Она считала, что всегда говорит только правду.

– Ты проживешь 103 года, – в сердцах однажды воскликнул зять, вероятно, и не подозревая, что его слова станут пророческими.

К всеобщему удивлению, Прасковья действительно прожила 103 года, значительно пережив вышеупомянутого зятя.

Не заводите, девушки, подруженьку...

Существует мнение, что женской дружбы не бывает. Но Светлана души не чаяла в своей подруге Ирине. Она считала ее кумиром. Ее все привлекало в Ирине. Красивая внешность, эрудиция, умение вести себя в любом обществе. К тому же Ирина была прекрасным кулинаром, умела шить, вязать и вышивать.

Светлану тоже не обделил Бог внешностью. Она, так же, как и Ирина, училась в лучшем университете России. Была симпатичной, прекрасной хозяйкой, но очень скромной и стеснительной.

Ее поклонником был Антон. Они часто встречались, и Светлана с большим восторгом рассказывала своему избраннику об Ирине. Это была ее любимая тема для разговоров. При очередной встрече она добавляла к своему рассказу все новые и новые интересные подробности.

Со временем Светлана стала замечать, что Антон ждет этих рассказов, не желая переключаться ни на какую другую тему. Итог для Светланы стал самым печальным. Ее избранник нашел возможность встретиться с Ириной. Влюбился в нее, и вскоре они поженились. Светлана никогда не подозревала, что конец будет именно таким.

Чужое отчество

Когда у Александра умерла жена, его единственную дочь Светлану, взяли на воспитание сестра жены с мужем. Отец пытался вернуть дочь, но ничего у него из этого не получилось.

Он затаил обиду на родственников жены, но с годами смирился с этим. Единственное, за что ему было особенно обидно, что дочь не носила его фамилию и отчество. С фамилией он как-то еще мог примириться. Часто говорил дочке: «Ты все равно сменишь фамилию, будешь какая-нибудь Тараканова или Клопова». А вот отчество, как понимал Александр, оно навечно.

Отчество у Светланы было длинное, неудобное для произношения. Его часто не выговаривали, произносили не так, как надо. И Светлана нередко думала, что все это не случайно. Было бы свое, произносили бы как положено. Но больше всего ее травмировала реакция отца, особенно в последние перед смертью годы, он часто говорил, что никогда не назовет ее по этому отчеству.

Галина Ермолаева, Андреаполь

• Мы и природа

ПРО ШЕРШНЕЙ

Сколько существую на свете, столько не перестаю удивляться изобретательности обитателей животного мира. Особенно в той части, которая касается их обустройства в природе – будь то микроскопический муравей, птичка или гигантский слон. Понятно, что все навыки хранятся в их генетической памяти. И всё равно не перестаю поражаться, как это можно (без всяких расчётов, линеек и циркулей) построить в улье шестигранники сот, и ведь никогда, ни на миллиметр пчёлка не ошибётся! А как интересно идут поиски подходящего семейного дома у воробьёв: этим занимается самец (настоящий мужчина!), а невеста всякий раз придирчиво осматривает «квартирку», и если что-то ей там не по нраву, без объяснений упархивает прочь. Неудачливому жениху грозит одиночество, если он так и не подберёт уютный и укрытый от посторонних глаз уголок для будущего потомства.

Насколько могут быть искусны животные в устройстве своих гнёзд, я могла наблюдать на примере шершней. Правда, моё восхищение их мастерством чуть не закончилось трагически. Для меня. В тот год я долго наблюдала, как шершни возводят себе свой подвесной замок в дачном сарае, аккуратно над дверью. Старалась ходить мимо потише, не топтать и не хлопать... Гнездо получилось на славу, в форме великолепной греческой амфоры светло-серого цвета. Она нависала над дверным проёмом и вызывала у меня неизменное умиление изяществом изгибов и округлостей. Неутомимые шершни то влетали, то вылетали из своего дворца, а я дивилась их трудолюбию и даже немного завидовала, потому что в начале лета на огороде дел невпроворот. Прошло время. В одно прекрасное солнечное утро я приехала на дачу в одиночестве (муж был в отъезде) и направилась к сараю за орудиями труда. Уже издали слышно было глухое гудение. А, это же мои шершни! Да сколько ж вас много, милые! Без опаски открыла дверь сарая, и тут на меня ринулась целая чёрная туча разъярённых чудовищ. Если бы кто видел, как я неслась к крыльцу дома! Позавидовали бы и бегуны-эфиопы... Раньше фразу – «бежал так быстро, что в ушах свистело» я считала преувеличением, образным выражением. Но в тот момент у меня действительно ветер свистел в ушах. Всё-таки я успела взбежать на крыльцо, захлопнуть входную дверь и с радостным ужасом убедиться, что грозная армада, ударившись о доски, своё преследование прекратила. Понятно, что ни лопаты, ни мотыжки я в тот день в руках так и не подержала. К сараю – ни ногой. Пришлось переключиться на другие работы.

Чем закончилась эта история? Увы, печально для моих шершней. Возвратившийся из поездки муж порядок в сарае навёл быстро: квартирантов разогнал, а чудесное гнездо пришлось разрушить. Но не печальтесь: через некоторое время шершни устроили себе домик под крышей другого строения, но в безопасном для входящих туда людей уголке.

Светлана Виноградова, Нелидово

ДИВЕНЬ

Мы стоим под деревом, а он всё льет и льёт. Нет другого места, чтобы спрятаться от этого кромешного ливня. Прижались друг к другу как можно ближе. Я держу над головами журнал «НЕВА», но и он совершенно не помогает. Не сговариваясь, идём в сторону деревни. Молча, иногда поглядывая на сплошь мокрую одежду. Потом бежим. В надежде, что быстрее покроем расстояние к дому и, возможно, согреемся.

Через десять минут мы – на крыльце. Вошли в дом. Моментально сняли одежду. Всю. Отвернувшись, выкручиваем её. Недавно купленная рубашка потекла разноцветными струйками. Нам смешно.

На кухонной верёвке от одного угла до другого развешиваем на просушку свою одежду – и под одеяло.

Кровать есть кровать. Там тепло, там жизнь. Прижимаемся телами, находим ледяные губы друг друга. От этого становится ещё теплее...

И я просыпаюсь. На часах – пять утра...

Этот сон меня преследовал многие годы.

Пару лет назад беседовал с ней по скайпу. Случайно нашёл с помощью этой замечательной техники. Она живёт в Италии.

И всё стало на свои места... Мы были просто сокурсниками.

Владимир Сучков, Нелидово

• **Классикам****РЕДЬКА ПОД ВОДКУ***(Поэтам Серебряного века)*

Ананасы в шампанском,
 Что воспел Северянин, –
 Блажь времён Декаданса,
 Как помои в стакане.
 Ни душе, ни желудку
 Это пошло не в радость.
 Не примите за шутку –
 Я попробовал: гадость!
 Знать, дела были плохи
 Того века в начале,
 Если сливки эпохи
 Эту дрянь потребляли.
 Этой гадостью глотку
 Лишь слегка прополощешь.
 А вот редька под водку –
 Это класс, это мощно!
 Струганёшь на рубанке
 Тонким слоем сей овощ
 Да достанешь полбанки –
 Ну, и Бог тебе в помощь!
 Редька с маслом и солью,
 Рядом водка в стакане –
 Это наше застолье!
 Я не вру, россияне?
 Редьки белой полоски
 Бередят обонянье.
 Во еда, Маяковский!
 Во питьё, Северянин!
 Жаль, что это блаженство
 Вы тогда не вкусили.
 Пило б так декадентство –
 Не проспали б Россию!

Борис Зверев, Тверь

* * *

Я вижу сны, хоть не смыкаю век
 В счастливый век и в горькие години.
 Я – твердый дух и ветхий человек,
 И две любви во мне горят, едины.

Когда, закрыв обетованный край,
 Врата судьбы стоят неотворимы,
 Я открываю свой незримый Рай
 Ключом строки Цветаевой Марины.

И в час, когда мятежные стихи
 До края неба прозвенят осанной,
 Мне отпускает все мои грехи
 Всегорный гений Гумилёвой Анны.

Игорь Столяров, Нелидово**ПОКЛОН ПУШКИНУ**

Я восторгаюсь пушкинским стихом,
 Напевностью, народностью, лиризмом.
 Ведь болдинская осень дышит в нём
 Своим расцветом, взлётом, оптимизмом.

Я Пушкина люблю за сверхталант,
 За вольность дум и рыцарство святое,
 За то, что полюбил он всей душой
 Писательское дело простое.
 Я восторгаюсь тонкостью души
 И силой чувств к Наталье Гончаровой,
 Сумевшей зародить в его душе
 Огонь любви неповторимой, новой.
 Я им горжусь, певцом родной земли,
 И русские традиции приемлю.
 В Святые Горки все ведут пути
 С поклоном к Пушкину,
 в Михайловские земли.

Наталья Шабанова, Андреаполь

* * *

*Я вызову любое из столетий,
 Войду в него и дом построю в нём.*

А. Тарковский

Шестидесятые, двадцатый век,
 сегодня он – по моему заказу.
 За пятьдесят вам, странный человек,
 а я юна. Простите за проказу,

вы сами подсказали этот ход.
 Ну как могла я упустить возможность
 свиданья с вами. Разгадала код
 и за руку держу вас осторожно.

Не строим дом, наперебой стихи
 читаем вслух, всё большей частью – ваши.
 Свой лепечу, простите за грехи,
 что «Шустовъ»* запиваю простоквашей.

Сражённый чудом мечет масти парк,
 звенят синицы, как в кофейне ложки.
 Хотите, стану Жанною д'Арк
 или уютнейшей домашней кошкой?

Но вечерет, вижу два крыла,
 светящихся за вашими плечами.
 И может быть, беззвездными ночами
 сиянье то случайными лучами
 заденет угол моего стола.

Маргарита Петрова, Андреаполь

* * *

Второго Бродского,
 Ахматовой второй земля не жди.
 Зато придут другие. Иные воспоют они дожди
 и юной девы прелести нагие
 талантливее, может быть. Как знать.
 Нахальны. Гениальны. Эксцентричны.
 Безумно жаль, известно мне отлично –
 одной из них мне никогда не стать.

Светлана Большенкова, Нелидово

*«Шустовъ» – марочный коньяк

• Новые стихи

Пётр Бобунов, Нелидово

Прохожие с пресными лицами
 Вступали в потоки воды,
 И с шумом тревожными птицами
 Над ними взлетали зонты.
 Не дождь вразной с перебором
 В материю дробно стучал –
 Над каждым летел чёрный ворон
 И каждому что-то вещал...

Вещал о пустом и напрасном,
 Вещал об ушедших с дождём,
 О тех, кто прожил безучастно,
 О тех, кому все нипочём.
 О радостях низменных, бренном,
 О неубедительной лжи,
 О нерукотворном, нетленном,
 О выборе, коль еще жив.
 О том, что важнее для счастья,
 О том, что смывает дождём,
 О страстных и о безучастных.
 Что выбрали – тем и живём.

(в соавторстве с *Просто Лёлькой, Москва*)**ДОРОЖНОЕ**

Ржавый щавель обочин – эхо битв с урожаем,
 сколько лет что есть мочи от себя уезжаем.
 Забывает земля о способности к севу,
 зарастают поля – и справа, и слева...
 Потому и обидно, что никак не привык –
 вновь посёлком элитным вдоль пути борщевик.
 Борщевик-большевик, борщевик-олигарх –
 сколько гордости птичьей в орлиных крылах!
 Сколь изыска в античных колоннах-стволах!
 Сколько мощи и силы, как стать высока! ...
 Ты почти уже символ моего уголка...
 Что откуда берём?! –
 Запад, Полдень, Восток?
 Многоглавый орёл, едок в жилах твой сок.

* * *

Этот город уже не имеет лица,
 барахтаясь в былом, стал бессмысленно серым.
 Кроме явных примет затяжного конца
 ничего – ни путей, ни желаний, ни веры.

Без коры преют детства его тополя,
 пожирает грибок бледно-жёлтый.
 На уродливый вальс «Земляничных полян»*
 приглашают старух «патриоты».

Полупьяная праздность совсем не ленца,
 от постыдной ненужности млея,
 этот город уже не имеет лица.
 Вообще ничего не имеет.

* *мрачно-ностальгическая песня Леннона «Земляничные поляны навсегда».*

Мир, потускнев, как-будто вымер
 в предошущении тоски,
 и облаков набрякших вымя
 вдруг кто-то дёрнул за соски.
 И – потекло, и – захлестало,
 и с каждым мигом всё сильней.
 Тебе ль тоски так не хватало?
 Теперь вот хоть упейся ей!
 Не мудрено и захлебнуться,
 тоска всё льётся и течёт.
 Тут не помогут ни Конфуций,
 ни кто другой, ни бог, ни чёрт.
 И только пагубность последствий
 раскроет смыслы бытия:
 причина всех стихийных бедствий –
 тоска таких же как и я...

И будто перекрыли вентиль
 и солнце прорвалось снаружи,
 а вот уже босые дети
 всюю расплёскивают лужи.

Он жил, как жил, как все живут –
 хлеб для труда, для хлеба труд.
 Вдруг в спешке дел, чаду забот
 нутром почувствовал – не тот
 однажды выбранный им путь,
 и захотел с него свернуть.
 Он крал у сна, терял досуг,
 искал, где разомкнётся круг.
 У некончаемой черты
 лишь добавлялось суеты.

А рядом ангел пролетал,
 да он его не угадал,
 считая неказистой птицей...
 А всех-то дел – остановиться.

Дни проскальзывают мимо,
 будто кто другой их ждёт.
 Лень моя неутомима,
 взяв однажды в оборот.
 В голове сквозняк и чисто,
 ни сориночки на дне.
 Что, весна уже стучится?
 Это явно не ко мне.
 Ни завязкой ни сюжетом
 не пронять меня сейчас.
 Говорят, что скоро лето?
 Так уж было... И не раз.
 Дни, соскальзывая мимо,
 растворяются в нигде.
 Мне рецепты против сплина
 пишут вилы по воде.

• Новые стихи

**Маргарита Петрова,
Андреаполь**

* * *

Я в антикварном возрасте,
Как в коконе уютном,
На мир смотрю без робости
И радуюсь минутам.

Могу себе нечаянно
Позволить безрассудства:
Задеть плечом начальника
За прошлые паскудства;

В бутике модном час подряд
Мехами кутать плечи,
Сказать: «Нарядец простоват», –
И в магазин за гречей.

Надену платье новое,
Отправлюсь на прогулку
И подмигну бубновому
В случайном переулке.

Пускай гадает, думает.
А мне-то что за дело –
Душа моя свободная
Страдания отпела.

Пойду себе красавицей –
Печаль листвою опала.
Себе учусь я нравиться,
Быть королевой бала.

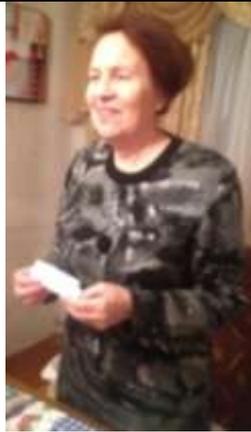
Вот мальчики из прошлого –
Седины в изобилье –
Признаньем огорошили,
Как все меня любили.

Судьбине благодарная
За горести и беды,
Я в годы антикварные
Начну считать победы.

* * *

Я сидела никакая.
Пьяненький сосед, икая,
всё пытался объяснить,
как в меня влюбился крепко.
Но сползала на нос кепка,
и рвалась беседы нить.

Под колёсами дорога
колотлива и убога,
что стиральная доска.
Равнодушно дремлют люди,
и попсу водитель крутит,
и тоска, тоска, тоска...

СЛОЖИЛАСЬ ПАРА ПОД ЗАКАТ

* * *

(меланхолическое)

Три герани на моём окошке:
розовая, красная, в сирень.
Март к концу, угомонились кошки.
Ну и мне, как сытой кошке, лень

шевельнуть рукой. Лежу и млею,
впитываю неги сладкий яд.
Розовым сиропом гуще клея
заполняет комнату закат.

Поплыву на бежевом диване
сквозь окна сиреневый экран...
И опять видение обманет,
лишь рукой махнёт мне капитан.

И замрут в линованной странице,
вытекут из моего пера
с красной грудкой бежевые птицы,
офицеры в строгих киверах.

ПОСЛЕ РЕМОНТА

(юмористическое)

Три цветка на новеньком окошке:
Ярко-красный, розовый, в сирень.
Март к концу, угомонились кошки.
Ну и мне, как сытой кошке, лень

Шевельнуть рукой. Лежу и млею.
Тишину смакую. Не стучат.
Розовым сиропом гуще клея
Заполняет комнату закат.

Поплыву на бежевом диване
Сквозь окна сиреневый экран...
Но зачем капель в моей нирване?
Тьфу ты! В ванной прохудился кран.

* * *

Всё равно уйдём внезапно,
Сколько к дате ни готовься,
И поэтому не надо
Провоцировать судьбу.
Лучше мы роман закрутим,
То-то будет пересудов,
Так, глядишь, и срок пропустим.
Взбалмошных и шалопутных
В тех местах совсем не ждут.

НУЖА

РАССКАЗ

Есть люди оптимисты по натуре. Что бы ни происходило вокруг них, они всё воспринимают с радостью. Такая, к примеру, моя сестра Оксанка. Ну, во-первых, Оксанка – жаворонок. С первыми лучами солнца она начинает порхать и весело чирикать. За что в детстве мне неоднократно хотелось убить её подушкой. А во-вторых, Оксанка – редкостный оптимист. Все события у неё подразделяются на замечательные, просто хорошие и, в самом крайнем случае, на: «да ладно, переживём!». Мне кажется, если бы Оксанку вдруг схватили какие-нибудь... ну, не знаю... какие-нибудь адепты, скажем, Ордена Скорбных Меланхоликов, что ли, они бы мозги свои с ней вывихнули. Она бы их просто извела на допросах своим оптимизмом и верой в светлое будущее. И даже когда, вконец озверев, они повели бы её вешать, даже тогда она бы чирикала, не переставая, щебетала бы до самого последнего момента, до того, как на её шее затянули бы петлю. Да и то, я думаю, на этом бы дело не закончилось. Потому что, даже после того как эти скорбные меланхолики выбили бы из-под неё табурет, даже тогда она всё равно бы не успокоилась и назло врагу станцевала бы напоследок ногами в воздухе что-нибудь жизнеутверждающее.

А есть люди совершенно противоположные по натуре. Не, я не о нытиках. Нытик обыкновенный – это вполне себе обычный тип. Девяносто девять процентов всего населения время от времени ноет. Это нормально. Я, например, тоже не против иногда понуть. Тут что-то типа обряда. Поноешь немножко, поскулишь, пожалуешься на судьбу – глядишь, и выклянчишь у этой самой судьбы какой-нибудь пирожок. Так что я не про нытиков. Я сейчас про тех, кто пессимист по своему внутреннему устройству. По своей жизненной философии. О тех самых скорбных меланхоликах, не к ночи они будут помянуты. То есть о том типе граждан, у кого стакан всегда наполовину пуст. Кто корку обрезает даже с батона, а туалетную бумагу складывает вчетверо. Узнать их просто: на их лице всегда отражается вся мировая скорбь. Еврей у Стены Плача – просто фонтан радости по сравнению с ними. И что характерно, чем больше они ноют и жалуются на жизнь, тем больше им от этой жизни достаётся. Тем больше на них сыплется шишек и всяких других, по большей части твёрдых и угловатых, предметов. То есть бывает, что человек не с той ноги встал, ну, день у человека не задался. А у этих все до единого дни такие, не задавшиеся. Вся жизнь у них не задавшаяся. Получается, они, вообще, не с той ноги родились. Скорбные меланхолики, одним словом.

Но это всё так – общая философия. Я же сейчас – о конкретной личности.

С чего всё началось? С Дня взятия Бастилии. Не знаю, откуда пошла эта традиция, но мы на работе всегда отмечаем День взятия Бастилии. Ну, повелось так. И французов среди нас нет, и в Париж из нашего отдела пока ещё никто не ездил (кроме Босса, конечно). А вот День взятия Бастилии отмечаем регулярно. То есть каждый год. И в этом году тоже отмечали. Всё, как положено: шашлыки, хорошее вино, гитара. И место у нас есть традиционное – на правом берегу Охты, как раз напротив пляжа. Пляж этот – место в Питере известное, в погожий летний день, да ещё ежели выходной, там народу – не протолкнуться. А у нас тут – берег высокий, камыши и дно илистое. Так что сюда только такие, как мы, забираются. Да и попасть сюда, кстати, непросто – дорога проезжая километрах в двух кончается. Так что – или пешком, или с того берега вплавь. Ну а нас на наше место всегда Пахомыч забрасывает. На своей моторке. По старой дружбе. И мы, ясное дело, старика не забываем – канистру пива ему всегда выкатываем. Как он любит – «Балтику», «четвёрку».

Короче, перехожу к делу. Сидим это мы у костра, никого не трогаем, разговоры разговариваем. Солнышко греет, птички поют, от мангала духом шашлычным тянет – там Толян, наш главный специалист по шашлыкам, колдует. В общем, всеобщая благодать и благорастворение воздухов. Или воздусей – не знаю, как правильно. Сидим это мы, в общем, беседуем, слюнки в предвкушении шашлыка глотаем, и тут Белый толкает меня локтем в бок – ощутимо, кстати, так толкает – и говорит: «Гля, бро, никак сапиенс тонет!». И рукой в сторону реки тычет. Ну, мы все посмотрели – и правда, тонет. Причём действительно сапиенс. Он с пляжа, видать, на матрасе надувном уплыл, а матрас этот у него на середине реки сдулся. Бывает такое с матрасами. Особенно с теми, что «мейд ин чина». Раньше, помнится, братья-китайцы матрасы делали двух- и даже трёхсекционными. А потом заморачиваться перестали и гонят теперь матрасы с одним соском. Чтоб, значит, в одну дырку дуть, не задумываться. Так что раньше, когда матрас вдруг неожиданно сдувался, он сдувался не весь, на одной целой секции до берега ещё можно было вполне догрести. Сейчас же шансов нет. Как говорится, умерла так умерла. Если матрас сдулся – это всерьёз и надолго. Чаще – навсегда. А сдуваются они регулярно. Братья-китайцы в этом деле тоже впереди планеты всей. Как у нас в конторе говорят: поломка без причины – признак мейд ин чины. Мы с Белым, пока в универе учились, каждый год летом в

(продолжение на стр.9)

(начало на стр.8)

Геленджик ездили – занимались на пару месяцев спасателями. А что, во-первых, целый день на пляже, а во-вторых, ещё и деньги за это получаешь. Так мы с Белым за пять лет своей пляжно-спасательской деятельности этих горе-матрасников повидали не один десяток. А некоторых из них и реально спасать приходилось. То есть на полном серьёзе.

Вот и тут. Смотрим – барахтается гражданин, с матрасом своим полуживым борется и к берегу пытается грести. К нашему, поскольку к нашему уже ближе. Но грести ему не особо удаётся, поскольку матрас его уже, скорее, не полуживой, а полумёртвый. А плавать без матраса гражданин, похоже, не умеет вовсе.

Короче, переглянулись мы с Белым и с берега друг за дружкой в воду попрыгали. Поскольку шашлыки шашлыками, а смотреть, как люди тонут, мы с Белым спокойно не можем. Надо полагать, это у нас уже профессиональное.

Дальше – детали. Как спасали, как тащили. Это всё мелочи. Не впервой. Вытащили, кстати, обоих. И утопленника этого полуживого, и матрас его. В матрас он, надо сказать, вцепился намертво. Не оторвать было. Так что, хрен с ним, вытащили вместе с матрасом. А нам что? Нам не привыкать. Воды он, сапиенс этот, нахлебаться успел порядочно, но сознания не терял. Отбивался до последнего. Есть такое свойство у тонущих – от спасателей своих отбиваться. Ну, или тащить их за собой на дно. За компанию, значит. Чтоб, надо полагать, там, на дне, веселее было. Тем не менее вытащили мы эту сладкую парочку, матрасню эту недоделанную, вытащили, на бережку разложили, сидим, сохнем. На утопленника своего ненаглядного любимемся. Утопленник этот, кстати сказать, оказался парнем нашего примерно возраста, длинным, худым, носатым. Сильно худым и ну очень сильно носатым. Прямо перпендикуляр какой-то. Так вот. Отдышался маленько этот перпендикуляр, глаза открыл, обвёл взором мутным пространство и первым делом носом своим длинным на меня нацелился. И говорит вдруг человеческим голосом. «О! – говорит. – Сиськи!».

Да, совсем забыла. Если что, я – девушка. Зовут меня Алёна. Двадцати пяти лет, по профессии – инженер-конструктор.

Так вот. «Сиськи!» – говорит этот обморок. И взглядом в мои эти самые сиськи упёрся и смотрит, не моргает. Ну что. Ну, сиськи. Поскольку девушка – имею право. Мы ведь с Белым с обрыва сиганули в чём были. Он – в одних плавках, а я – в плавках и в майке, поскольку верх от купальника у меня на кусте висел. Сушился. Майка, естественно, намочила. Всё, что под майкой, проступило. Ну, Белому-то не впервой. Он меня всякой видел. А этот взглядом так сразу и прикипел. И ладно, было бы там что-нибудь особенное. Памелла Андерсон там какая-нибудь была. Или Анна Семенович. Или хотя бы моя сестра Оксанка с её третьим размером. А то – так, первый размер, от силы полторащечка. Я-то по этому поводу никогда не комплексовала. Мне, как говорится, хватает. Но тут прямо почувствовала себя какой-то ущербной.

«Чего, – говорю, – уставился? Глаза сломаешь!» А он смотрит и смотрит, прямо оторваться не может. И, что характерно, взгляд у него не... как бы это сказать... не мужской, что ли, то есть не похотливый, не раздевающий, знаю я такие взгляды, а печальный такой, чуть ли не жалостливый. То ли ему себя стало жалко до слёз, что он до сих пор красоты такой никогда не видывал, а учитывая последние события, мог и вовсе не увидеть. То ли он меня, сиротинушку, пожалел, что вот я, бедолага, со своим первым размером живу на этом свете, горе мыкаю, пропадаю. Короче, мне аж не по себе стало. Встала я и ушла переодеваться. Ну его! Залезла в палатку, майку мокрую стащила с себя, в рюкзаке шарю, рубашку ищу и вдруг чувствую – щёки у меня горят. Потрогала – мама дорогая! Точно, прямо огнём полыхают. Ничего себе, – думаю, – чего это со мной? Никогда такого не было. Нет, было, конечно. Когда я за Серёгой Колесниковым в десятом классе бегала, тогда, помнится, не только щёки у меня горели. Я тогда вся огнём горела. Прямо хоть пожарных вызывай, с брандспойта туши. Но ведь горела – перегорела. И я сейчас не та. И Колесников, сука, уже женат давно. На мымре какой-то очкастой женился, в Москве они живут. А щёки – вот они – полыхают. Ну-ка, – говорю я себе, – ну-ка, перестань! Чего это ты?! Это что, из-за того, что на тебя этот обморок посмотрел?! Перпендикуляр этот полупритопленный? Тебе что, мужского внимания не хватает? Ты посмотри вокруг – какие ребята у тебя в конторе! Да по сравнению с ними этот дайвер неудавшийся – просто пустое место!

И правда, надо сказать, что ребята у нас в конторе подобрались – один другого лучше. И красавцы все, и спортсмены. Про мозги я вообще не говорю – дураков к нам в контору не берут. В общем-то, и девчонки у нас – ничего. Про себя говорить не буду, а что Маришку взять, что Светика – девки на загляденье, всё при них. И ведь, что характерно, парни у нас – золото, девки – брильянты, а ведь ни одной пары так и не сложилось. Во всяком случае, за те три года, что я в конторе работаю. Про нас с Белым я не говорю. Мы и в универе вместе учились, и в контору вместе пришли. Всё у нас было, и всё у нас давно кончилось. Кроме дружбы, конечно. Вот, говорят, мужчина и женщина дружить не могут. Рано или поздно у них всё равно дело до койки дойдёт. И после этого они либо женятся, либо врагами становятся. Бред! У нас с Белым до койки дошло, прошло, вернулось, опять прошло, и, кто его знает, может, ещё когда вернётся. А дружим

(продолжение на стр.10)

(начало на стр.8 - 9)

мы с ним вот уже восемь лет и будем дружить ещё сорок восемь. И даже если он женится, а я замуж выйду, я уверена, мы с ним друзьями останемся. А может, кто знает, будем и семьями дружить. Не то что с этим уродом Колесниковым. Я ведь ему тогда – всё! Я ведь ради него была готова землю рыть и железо грызть! Я ведь ему, подлецу, не только девственность свою отдала, я ему всю нашу с Оксанкой общую коллекцию японских марок отдала, что нам от деда Зямы досталась! Все восемь огромных кляссеров! Там же куча марок была ещё довоенных! А пять штук – даже девятнадцатого века! Знающие люди говорят, что такую коллекцию по нынешним временам можно было бы запросто на трёхкомнатную квартиру сменить. Причём не в Шушарах каких-нибудь, не у чёрта на куличках, а в центре, хотя б на том же Васильевском. А я их – раз! Бери, Серёженька, дарю, мне для тебя ничего не жалко! И ведь взял, морда бесстыжая! Глазом не моргнул. Может, кстати, он за эти марки и квартиру себе в первопрестольной купил. Кто знает? Оксанка тогда меня чуть не убила. Месяц со мной не разговаривала. Потом, правда, простила – пожалела дуру несчастную, влюблённую.

Так вот, я про нашу контору. Пять парней (не считая Босса) и три девчонки. И ни одной пары. Не, были поначалу какие-то ухаживания, мимолётные романы, я бы даже сказала – романчики, шуры-муры всякие, но всё как-то со временем устаканилось, утряслось, и сейчас мы все – просто одна компания. Клёвая компания, прямо скажу. И работаем вместе, и отдыхаем. И как-то не надоедаем друг другу. Может, как раз потому, что никому ни от кого ничего не нужно. Ведь от чего больше всего устаёшь? От того, что пыжишься показать окружающим, ну, или кому-то одному конкретно, какая ты красивая и умная. Особенно, если не слишком ни то, ни другое. А когда тебя все и так, как облупленную, знают, и слабости все твои, и прелести, тогда и пыжиться нечего – работай себе спокойно и другим работать не мешай. «Так как же ты расслабляешься, Гиви? – А я не напрягаюсь!» Вот и мы так: работаем – не напрягаемся и отдыхаем – тем более не напрягаемся. И отношения у нас самые что ни на есть замечательные. Мальчики с нас пылинки сдувают, лишней раз наклониться не дают, чтоб, скажем, упавшую ручку поднять. Я про ночную работу и не говорю. Ночное машинное время между парнями расписано всё до минуты, они нас туда и близко не подпускают. Говорят: не женское это дело – ночью пахать. Мол, от бессонных ночей лишние морщинки появляются. Заботливые. Ну, и мы, ясен пень, в долгу не остаёмся. То торт какой соорудим. То чай особенный заварим. Ведь тут как, если к тебе по-человечески, то и ты готов луну с неба достать.

Что-то я отвлеклась. Я ведь про День взятия Бастилии рассказывала. Про спасённого утопленника. Так вот. Вернулась я к костру, глянь – утопленник этот уже там сидит. Живее всех живых. Сидит, завёрнутый в Ромкино одеяло, и, знай себе, шашлык наворачивает. Оказывается, пока я в палатке размышлениям да воспоминаниям своим предавалась, поспел шашлык, и наши уже вино откупорили и разливают. Ну, я сразу тут как тут. Со своей кружкой любимой наперевес. Разлили, чокнулись, сидим пьём, шашлыком закусываем. Толяна нахваливаем – шашлык у него, как всегда, получился на пять с плюсом. Ахтунгу этому носатому тоже налили. Нам что, нам не жалко. Кружку ему подали, он в неё одним глазом заглянул, понюхал своим носом замечательным и – глыть-глыть! – в три секунды всё вылакал. Мы аж переглянулись. У нас ведь рюмок да бокалов нет, у нас всё по-простому, по-походному – кружки жестяные поллитровые. Но вино всегда хорошее, такое вино не то что крупными глотками, его цедить по капельке надо, смаковать. А он всё выглотал, как воду простую. Ну ладно, что ж, бывает. Может, человеку стресс снять надо. Как-никак он каких-то полчаса назад ещё в «Титаник» играл, ракам в глаза заглядывал. Ну, Альберт ему снова – кружку до краёв. Этот опять заглянул, понюхал и снова – глыть-глыть! Ну, мы тут вообще прифигели. За полторы минуты чуть ли не литр восьмилетнего «Шамбертена» в себя восать – такого мы ещё не видели. Я поняла – сейчас что-то будет. И не ошиблась. Минуты две-три эта прорва носатая сидела, смотрела стеклянными глазами в огонь, губами молча шевелила. А потом лицо у него поплыло, губы интегралом загнулись и из глаз слёзы потекли. Прямо ручьём. Оглянуться мы не успели, а он уже ревёт, что твой детсадовский карапуз, аж заходится. Кружку уронил, слёзы и сопли по всему лицу тонким слоем размазал, икает, всхлипывает и, что характерно, опять же в меня рукой тычет и лопочет чего-то. Ну, я сначала не разбирала, что он там бормочет, а потом общий смысл до меня дошёл. Так вот, этот герой-подводник, оказывается, выступал в том смысле, что вот он – бедный, несчастный, жизнь у него не удалась, всё у него не эдак, всё наперекосяк, что вот встретил он девушку своей мечты, любовь свою, может быть, единственную встретил и вместо того, чтоб героически её у бандитов каких-нибудь отбить или, скажем, из машины горячей вытащить за секунду до взрыва, да что там говорить, пусть даже в метро её встретить или просто на улице, но – стильно одетым, гладко выбритым, парфюмом благородным благоухающим, так нет же, всё наоборот, он сам был этой девушкой из реки спасён и потому предстал пред ней не отважным сахарозубым мачо, как бы не так, а предстал он пред ней неприглядным полуутопленником: голым, мокрым, противным, тинной вонючей перемазанным, ничего, кроме законного отвращения, не вызывающим и вызвать не могущим. И как, мол, теперь ему, бедному-несчастному, быть и что ему делать?

(продолжение на стр.11)

(начало на стр.8 - 10)

А под девушкой своей мечты орёл этот подмокший, как вы поняли, меня подразумевает. Даже не то что подразумевает, а вот так вот прямо и конкретно пальцем в меня тычет. Нифига себе! – думаю я себе. Мне вот ещё такого счастья только и не хватало! Я прям спала и видела, чтоб в меня такой вот уютно водоплавающий с первого взгляда втюрился и девушкой своей мечты назвал. Меня аж затрясло. А наши все – ничего, проглотили всю эту его галиматью. Всю эту бодягу слезливую. И не только проглотили, а даже больше – все к нему кинулись, все стали его наперебой утешать. Что, мол, ничего, всё пройдёт, всё образуется, и что, дескать, не такой уж он на самом деле противный, и сразу видно, что парень-то он, в общем, неплохой, вот только день у него сегодня неудачный выдался, это ничего, это у всех бывает, и самое лучшее, парень, это тебе сейчас лечь поспать, а вот когда поспишь, тогда всё и образуется, и солнышко будет ярче, и небо голубее, и любовь ты свою ещё встретишь, и встретишь как полагается – во всём белом и на белом коне, а вот и спальничек у нас тут в тенёчке постелен, ложись-ка вот сюда, голуба, и подушечка вот есть надувная тебе под голову – а-а-а, а-а-а, баю-баюшки-баю... Короче, уложили они сообща этого обморока под куст, пледом сверху прикрыли. Светка свою подушку надувную не пожалела, ему под голову подсунула. Разве что мух от него не отгоняют. Я, естественно, во всей этой канители участия не принимала. Ещё чего! По мне, так его, долбодятла носатого, гнать надо взашей отсюда. Пинками гнать – пусть пёхом топает до самого Питера. Как приплыл – пусть так и топает: голым и босым. Или уж, на крайняк, Пахомыча с моторкой вызвонить, чтоб он эту буратину непотопляемую обратно на тот берег переправил – с глаз долой, как говорится, из сердца вон. Чего с ним возиться! Приплыл тут, понимаешь, на матрасе своём драном, праздник людям испортил, всех перебаламутил. Вина одного французского тысячи на три, наверное, выжрал. И мы за все эти доблести ещё и жалеть его должны! За ушком ему чесать и колыбельные петь!.. Ничего этого я, конечно, вслух не сказала, сидела, как сыч, возле костра, вино пила и шашлык трескала в одну харю, пока все наши вокруг утопленника своего ненаглядного танец гостеприимства танцевали.

Ну всё, станцевали, угомонились, пришли обратно к костру вино своё недопитое допивать и шашлык остывший дожёвывать. На меня, заметила, поглядывают, но вслух ничего не говорят. И правильно, между прочим, делают. Это я с виду сижу спокойная и беззаботная. А внутри у меня – о-го-го! Внутри у меня всё клокочет так, что аж крышка приподнимается. Свисток в любую дырку вставь – оглохнешь. Настроение – на войну посылать можно. Причём одну – сама справлюсь. Меня в таком состоянии лучше ни о чём не спрашивать, а ещё лучше – вообще не трогать. Ну, и никто, слава богу, не тронул.

И как-то постепенно всё наладилось. Происшествие это дурацкое, ну, не то чтоб совсем забылось, а как-то на второй план отошло. Кармен новый анекдот рассказал. Не помню сейчас, про что. Помню только, что очень глупый анекдот был, но дико смешной. Поржали. Альберт второй ящик вина вскрыл. Толян из остатков мяса вторую очередь шашлыков замастрячил. В общем, наладилось всё, в колею вошло. И я подуспокоилась маленько. Маришка за гитарой в палатку ходила. Пришла, сидит, подстраивает. Солнышко, птички. Ветерком с речки потянуло. Всё – опять лепота и благорастворение воздушных. Опять же «Шамбертен» внутри бродит, на лирический лад настраивает.

Наладила Маришка гитару, обвела всех взглядом своим васильковым и спрашивает: «Ну что, народ, что поём?» «Как что? – говорит Белый. – Конечно "Пиратскую"!» Это традиция у нас такая – с «Пиратской лирической» начинать. Что-то типа гимна своеобразного нашей компании. Респект, кстати, Окуджаве и Филатову. И все как-то сразу повеселели, загомонили, заёрзали. «Ага, – говорят, – давай, Маришка! Давай "Пиратскую"! Давай нашу любимую! Давненько мы её что-то не пели». Ну, Маришку два раза просить не надо. Устроилась она поудобнее, гитару в коленку упёрла, чёлку поправила, пальцы на грифе в аккорд «до» расположила. «Ну что, – говорит, – готовы? Рванём?» «Отож! – говорим мы. – Готовы! Ещё как рванём!». Я даже кружку свою с остатками «Шамбертена» под кустик отставила, чтоб не мешала, чтоб, значит, рвануть так рвануть – по нашему, понимаешь, по-пиратски. Все ушки наострили, воздуху в грудь набрали, на Маришку смотрят, отмашки ждут. А Маришка что-то всё медлит и медлит, никак не начинает. И смотрит куда-то мимо всех. И глаза у неё всё округляются и округляются. «Что, – подначивает её Альберт, – опять первую строчку забыла? "В ночь перед бурей на мачтах..." Эх, ты, – говорит, – склерозница!» А склерозница вдруг говорит дрожащим голосом: «Ой, мамочки, а где?!..» И пальчиком нам за спины тычет. Мы, естественно, все хором повернулись. Смотрим: и правда, – «мамочки!», и правда, – а где?! Спальник расстеленный под кустами лежит, плед скомканный лежит, а ни утопленника нашего, ни Светкиной подушки надувной – нет, как и не было!

Повскакивали мы тут, на берег высыпали, смотрим – картина маслом: метрах в десяти от берега утопленник наш с подушкой надувной борется, как Нахимов со всем турецким флотом. Подушки эти, надо сказать, обладают одним любопытным свойством. Они, вообще-то, предназначены для того, чтоб на них спать, а не для того, чтоб на них плавать. Там даже наклейка есть с соответствующей надписью. На пяти языках, между прочим.

(продолжение на стр.12)

(начало на стр.8 - 11)

Включая русский. Поэтому, когда они намокают, покрытие у них становится дико скользким. Прямо как маслом облило. И в воде на ней удержаться очень и очень непросто. А уж если ты с неё соскользнул, то назад взобраться – дело вообще почти нереальное. Вот наш ихтиандр и бьётся с подушкой – аж волны по всей реке идут. Стремления ему, конечно, не занимать, руками по воде лупит так, что будь он в молоке, давно бы уже масло взбил. «Офигеть! – говорит Белый. – Впервые в жизни вижу, чтоб человек два раза за один день тонул. Я, помнится, назвал это чудо природы сапиенсом. Так вот. Беру свои слова обратно». Альберт небритость свою почесал и тоже впечатлениями делится: «Ставлю, – говорит, – последнюю бутылку "Шамбертена", что ватерполист этот до ворот свой мячик не догонит». Ну и Толян от них не отстаёт, тоже свои три копейки вставил. «Клянусь пейсами своего дедушки, – говорит, – такого стиля плавания я отродясь не видывал. Предлагаю назвать его: "стиль Му-му". В память о прославленной первооткрывательнице». Короче, на юмор всех почему-то пробил. Хотя ситуация-то, если разобраться, вовсе даже не смешная. Пока мы тут все зубоскалили да в остроумии упражнялись, «ватерполист» наш «мячик» свой за камыши мало-помалу угнал. И вдруг этот «мячик» из-за камышей выскакивает и спокойненько так, тихой уточкой, плывёт по течению. А за камышами – всё, тихо, ни всплеска, ни бульканья.

Вот тут нам стало не до смеха. Вот тут с берега уже все попрыгали. Кроме, разумеется, Светика – она у нас плавать не умеет. Попрыгали, короче, за камыши заплыли, а там – никого и ничего! Всё, амба – туши свет, сливай воду! Ну что, стали нырять. Хорошо, там глубина метра три всего. Да и течение не сильное. Кармен его первым нащупал, в смысле утопленника нашего, на поверхность поднял, тут же сразу все налетели, в шесть секунд на берег его выволокли, ну, а на берегу уже мы с Белым его в оборот взяли. Беломраморного нашего. Прошёл он у нас по полному кругу. По всем предписанным в подобных случаях процедурам. С выдавливанием воды через колено, с массажем грудной клетки, с искусственным дыханием. Всё честь по чести. Минуты через две начал наш утопленник признаки жизни подавать: задышал, заперхал, заклекотал. Потом – все дела, как положено, – с рвотой, икотой, ползанием на четвереньках и с боданием прибрежной растительности. Увидели мы по новой и наш «Шамбертен», бестолку употреблённый, и Толяновский шашлык – порции две примерно, – также не на пользу пошедший. Ну, поползал наш дважды спасённый, порычал на лягушек, потом затих. Лежит, глазами лупает – бледный, грязный, облёванный. «Тятя, тятя, наши сети...», – короче.

Альберт присел рядом с ним на корточки, за плечо, илом перемазанное, потрогал и говорит ему ласково: «Мил человек, – говорит, – ты хоть скажи нам, как тебя зовут? А то такими темпами, чую, хоронить тебя нам придётся. А что на могилке твоей писать – неизвестно. Так ты нам поведай, открой, – говорит, – сию тайну». Ну, тут садко наш самозванный ещё раз прокашлялся и говорит, тихо так, невнятно: «Кука». «Как-как?!» – переспрашивает Альберт. «Кука!» – говорит потерпевший уже громче и вновь закашлял, заперхал, заклекотал. Мы переглянулись. «Ну, Кука, – развела руками Маришка. – Ну, бывает. Что тут такого? Подумаешь!» Да и вправду, – ничего тут такого крамольного нет. Мало ли, как человека кличут. Кука и Кука. У нас вон тоже, поди, все мальчишки на кличках. Повелось у нас так. Девчонок по имени зовут, а пацанов – по кличкам. Вот Толян у нас, он ведь вовсе никакой не Анатолий. Он – Женя. По фамилии Толли. Евгений Толли. Фамилия такая. Отсюда и Толян. И Альберт наш вовсе не Альберт, а Боря. А Альберт он потому, что шибко умный. Прямо Эйнштейн. Про Кармена нашего я уже и не говорю. Если разобраться, то никакой он вовсе не Кармен, и к Бизе оперному никакого отношения не имеет. Он – Кар-Мэн – человек-машина. Во-первых, считает он, как вычислительная машина, – ему никакой калькулятор не нужен. А во-вторых, Жорик (а так зовёт его мама) – мотоциклетный фанат. Мне кажется, он даже спит со своим мотоциклом. Увидеть Кармена без мотоцикла – всё равно, что увидеть кентавра без... этой... ну, вы поняли, без фюзеляжа. Жорик даже сюда, на Охту, единственный из всех нас приезжает не на лодке Пахомыча, а на своём звероподобном «эндуре». Гоняет он на нём, конечно, по-чёрному. Смотреть страшно, как он на нём гоняет. Голову он когда-нибудь на этой своей «эндуре» свернёт. Гаишникам на радость, а нам и маме своей на огорчение. Ну, Белый – это Саня Белов. Тут всё просто. А пятый парень в нашем отделе – Рома Лямин, по кличке, разумеется, Ля-минор. Да! Есть ведь ещё Босс! Он ведь у нас тоже Босс не потому, что он босс. Точнее, – не только поэтому. Он у нас, к тому же, – Босов. Эдуард Андреевич. И не будь он по фамилии Босовым, Боссом мы его вряд ли бы называли. А называли бы мы его так же, как во всех других отделах называют начальников, – по имени-отчеству. У нас в конторе, в общем-то, панибратство не приветствуется.

Ну вот. Опять я отвлеклась. Я ведь про праздник рассказывала, про День Бастилии. В смысле, – её взятия. Короче, сами понимаете, праздник у нас удался. Два утопленника за один день – это уже перебор. Это, как сказал Толян, даже для Дня ВДВ многовато.

Остаток дня Кука просидел у костра. Икая. Икота на него, надо сказать, напала знатная. Ажно подбрасывало парня. Маришка было сунулась к нему с водой, но страдалец воду пить отказался. Наотрез.

(продолжение на стр.13)

(начало на стр. 8 - 12)

Надо полагать, в реке напился. Так и сидел: в огонь таращился и икал. Ну и нам остаток воскресного отдыха испортил. Какой уж тут отдых, когда рядом с тобой сидит оживший труп, зомби этакое, в плед замотанное, и на всю округу с неравными промежутками: «Эк!!.. Эк!!.. Эк!!..». Чуть дождались мы Пахомыча с его моторкой. Я, во всяком случае, чуть дождалась. Вещи в моторку покидали, Куку эту икающую загрузили и на тот берег поехали. На пляж.

Солнце на тот момент уже за лесом спряталось, и на пляже, сами понимаете, не было уже почти никого. Одна компания ещё мячик пинала, да парочка, метрах в ста от них, вяло переругиваясь, песок просеивала. Кто-то там у них что-то потерял – то ли колечко, то ли серёжку.

Кука из лодки выпрыгнул и побежал свои вещи искать. Походил по пляжу, носом своим круги почертил и назад вернулся. В кедах и в майке. Ни джинсов своих, ни куртки с кошельком и телефоном, он, разумеется, не нашёл. Оно и понятно. Питер, он хоть и культурная столица, но вещи свои без присмотра здесь тоже оставлять не рекомендуется.

«Ну что, – говорит нам Альберт, – не бросать же его здесь. Голого и без денег». Ну, тоже верно. Ещё старик Экзюпери в своё время сказал, что мы в ответе за тех, кого со дна реки достали. «Залазь! – говорит Куке Пахомыч. – До города довезу».

Ну, Кука по воде к лодке подошёл, через борт стал переваливаться и вдруг застрял. Лежит на животе и ногами дрыгает. Точнее, одной ногой. «Ну ты что там, паря? – говорит Пахомыч. – Ночевать так собрался? Перелазь уже весь!» А паря эта только смыкается да на животе елозит. Да пыхтит, как ёж. «Господи! – говорит мне Белый. – Вот смотришь иногда на человека и думаешь: неужели у его отца это был лучший из сперматозоидов?!». С минуту он ещё за Кукиными телодвижениями понаблюдал, а потом не выдержал, встал, ухватил его поперёк туловища и в лодку перевалил. Что-то при этом затрещало. Кука охнул, сел на полу и за ногу схватился. А из-под пальцев у него кровь чуть ли не фонтаном! Оказывается, на борту у лодки Пахомыча обшивка слегка отошла, и этот чудик кедом за отставший металлический лист умудрился зацепиться. И Белый – разумеется, из лучших побуждений – рванув, ему левый кед порвал да попутно ещё и лодыжку по самое не могу распетрушил. Хорошо, у Пахомыча аптечка на моторке оказалась. Забинтовали Куку ногу почти до колена. Две упаковки бинта истратили. Сидел он до самых «Химиков» в моторке тихий, бледный, бинтом в сумерках отсвечивающий. Даже икать перестал.

Ну, на «Химиках» вылезли. Вещи выгрузили. Пахомычу «спасибо» сказали. Кука тоже вылез. Стоит на причале – в плавках, в майке до пупа и с ногой забинтованной. Стоит, молчит, нос опустил, в глазах тоска собачья. Что делать? Пахомыч крикнул, полез куда-то в недра своего катера и вытащил на свет божий офицерские галифе. С красным кантом. Пахомыч у нас, к слову сказать, отставной прапорщик. Стал Кука эти галифе на себя напяливать – а нога забинтованная в штанину не пролазит. Пришлось одну штанину по колено отрезать. Посмотрели – куда одна, туда и вторая – и другую штанину по колено ножом отхватили. Стало быть, для симметрии. Толян мелочи ему отсыпал – на маршрутку. И пошёл наш утопленник под фонарями: хромой, в обрезанных галифе, бинтом, как флагом, белея. Маришка вслед ему посмотрела и только вздохнула. А я даже и вздыхать не стала. Бестолку здесь вздыхать. Если человек неудачник, если он, понимаешь, скорбный меланхолик, – тут вздыхай не вздыхай, а делу не поможешь.

На том День взятия Бастилии и закончился. Я думала, что и история эта закончилась вместе с ним. Однако не тут-то было.

В следующую субботу – как говорится, в день шестой – возвращаюсь я вечером домой от кого-то из наших, точно не помню – то ли от Ля-минора, то ли от Светика, – и застаю дома картину маслом: в гостиной горят все светильники, все люстры и лампы, на столе скатерть праздничная постелена, а за столом моя маман, Оксанка и чудо это носатое – Кука собственной персоной. Сидят, чай попивают и чинно беседуют – ну, прям дипломатический приём какой-то. Или файф-о-клок у британской королевы. Я Куку только по носу и узнала – гладко причёсанный, в наглаженном стильном костюме и – мама дорогая! – при бабочке. Эта бабочка меня окончательно доконала. «Привет! – говорю. – А что это тут за встреча в верхах такая? Что за новоявленная Антанта у нас тут вдруг образовалась?». Кука меня как увидал, сразу вскочил, стул свой опрокинул и давай вокруг меня на цырлах танцевать. А матушка моя чашку отставила, головой так покачала укоризненно и говорит: «Ай-яй-яй, Алёнушка, что ж ты о геройствах своих нам ничего не рассказала?». И елея в её голосе, что у дьякона на архиерейском приёме – хоть блины жарь. Ничего себе! – думаю. – Геройства у меня уже какие-то нарисовались! «Что за геройства?» – спрашиваю. «Ну как же, – говорит маман, – ты ж человеку жизнь спасла! Из реки его достала! Нам тут Станислав очень красочно всё описал». Ага! – думаю я себе. – Он у нас, оказывается, ещё и Станислав! «Очень приятно! – говорю. – А Станислав вам здесь случайно не рассказал, откуда он, к примеру, узнал мой адрес? Или он меня по запаху нашёл? По следу вынюхал. Своим замечательным носом».

(продолжение на стр.14)

(начало на стр. 8 - 13)

Тут уж и Оксанка в разговор встряла. «Фи! – говорит. – Лёка! Ты порой бываешь совершенно невыносимой!». Но я уже и сама поняла, что палку перегнула. «Ладно, – говорю я Куке, – извини. Это я от неожиданности... Но, правда, как ты меня нашёл?» «Да, действительно, – заинтересовалась и Оксанка, – как?» – она-то от меня вкратце всю эту историю знала. Ну, Кука поначалу поупирался, отшутиться пытался, не хотел говорить. Но мы с Оксанкой вдвоём – это страшная сила. Мы на нём с двух сторон, как бульдоги, повисли и не слезли до тех пор, пока он всё нам не рассказал, пока на блюдечке всё не выложил.

Оказывается, этот хитроумец, этот питерский Бержерак на следующий после памятных событий день отыскал в «Химиках» лодку Пахомыча, заявился к нему с пузырьком огненной воды и обменял оный у Пахомыча на телефон Толяна – единственного человека из нашей компании, номер которого знал наш отставной хорунжий. Тем же вечером Кука позвонил Толяну и попросил у него телефон Белого. Толян дал, легенда была железной: спасённый жаждет припасть к ногам своего спасителя. Потом Кука затаился и ждал до вечера пятницы, а в пятницу, уже после шести пополудни, позвонил Белому, представился и, рассыпавшись в благодарностях, пригласил своего спасителя в кабак – как говорится, отдать долги, ну, и заодно окропить пивом иссохшую душу. Белый, который ещё со студенческих лет был истовым адептом церкви Святой Халявы, согласился практически без раздумий.

Кука повёл его не куда-нибудь, а в «Кронверк», и там – на верхней палубе, с видом на вечернюю Неву, под светлый, как мёд в сотах, «Хольстен» и под горячих и красных, как закат над Африкой, раков – размякший Белый выболтал коварному искусителю и мой телефон, и мой адрес, и добрую половину всей моей биографии. «Я даже знаю, Алёна, что у вас в следующую субботу день рождения, юбилей...» – закончил Кука своё повествование и, скромно потупившись, выжидательно замолчал. Наживка была заброшена, и моя маман её немедленно заглотила. «Разумеется, вы приглашены, Станислав, – обрадовала она Куку и самым пошлым образом подмигнула мне. – Да, Алёнушка?» Я, конечно, запыхтела, как ёж перед случкой, но деваться было некуда. «Разумеется», – пробурчала я и, наградив матушку взглядом Великого Инквизитора, ушла в ванную – мыть руки...

Всю следующую неделю матушка ела мой мозг столовой ложкой – «настоящий джентльмен» Станислав покорила её, стосковавшееся по приличным мужчинам, сердце. Такое количество родительских поучений и сентенций я слышала последний раз лишь после эпопеи с моим школьным грехопадением. Послушай её, так я должна была бросить всё и бежать с «настоящим джентльменом» в загс уже на следующий после моего двадцатипятилетия день. Я отбивалась как могла, надеясь, что после дня рождения вся эта история как-нибудь сама собой утрясётся и завянет. Что любопытно, Оксанке моей Кука тоже понравился. «Он прикольный, – сообщила мне моя сестра. – И очень даже не дурак. И чувство юмора у него – будь здоров». Ну, насчёт Кукиного чувства юмора я, в общем-то, никогда и не сомневалась, – утонуть два раза за один день мог только человек с выдающимися юмористическими способностями. Я сообщила об этом Оксанке. «Дура ты, – сказала мне моя сестрица. – Дура набитая. Когда уже ты научишься отличать говно от шоколада?». И правда, когда? – подумала я и даже не стала с Оксанкой ссориться.

На день рождения пришло человек пятнадцать. В основном, – родственники. Конторским своим я сказала, что домой ко мне переться нечего – в воскресенье устроим повторный праздник на нашем месте, на Охте. Поэтому из молодёжи в субботу на юбилей были мы с Оксанкой, моя школьная подруга Наташка и Белый. Ну, и Кука, который Станислав.

Кука зашёл в квартиру следом за букетом, который он принёс. В том смысле, что букет был такой, что Куку за ним почти не было видно. И это были лилии! Представляете? Одни только лилии! Огромный букет из розовых и белых лилий, обрамлённых рускусом и робеленой и щедро припорошенных мельчайшей гипсофилой. Я дар речи потеряла, когда увидела этот букет. Это было произведение искусства, а не букет. Можно всю жизнь прожить и не узнать, что такие букеты бывают. Я, вообще, обожаю лилии. Это, можно сказать, мой любимый цветок. Лилии и орхидеи. Так что после такого букета меня УЖЕ можно было брать тёпленькой. Но Кука меня добил. На глазах у изумлённой публики он достал из кармана пиджака носовой платок, развернул его на манер провинциального фокусника и протянул мне на ладони... нэцке. Самое настоящее нацукэ-катабори! Десятнадцатый век, слоновая кость. «Монах с мечом». Я даже знаю, где он его купил. Я сама видела эту фигурку в «Антикварной лавке» в Калашном. Я там весь прилавок слюной закапала, пока стояла смотрела на этого монаха. Правда, мне его было «не укусить» – стоил «Монах» ровно три моих зарплаты. И вот теперь он лежал передо мной на Кукиной ладони. Я взяла его дрожащими руками и обалдело посмотрела на Куку. «Ну, чаво уж там, цалуй», – сказал Кука и, наклонившись, подставил мне щёку. Деваться было некуда и я, привстав на цыпочки – господи! какая всё-таки жердина! – облобызала его, гладко выбритую и, кстати, недурно пахнущую ланиту.

(продолжение на стр.15)

(начало на стр. 8 - 14)

Кстати, в тот вечер мне, зная мою маленькую слабость, подарили ещё три резных скульптурки. Оксанка преподнесла хоть и недорогого, но очень милого самшитового нэцке-Кота. Белый презентовал бронзового Хотэя – весёлого и пузатого, как дирижабль. А дядя Рубен, ничтоже сумняшеся, торжественно вручил мне чуть ли не полуметровую нефритовую статуэтку императора Мэйдзи, искренне принимая её за нэцке начала прошлого века. Всё это, разумеется, были новodelы, и Кукин «Монах» выделялся среди них, как породистая борзая среди милых, но беспородных дворняг. Он сразу стал центральной фигурой моей – кстати, не такой уже и маленькой – коллекции. Я водрузила его на свою коллекционную полку и потом, на протяжении вечера, то и дело подходила к ней и, взяв скульптурку в руки, снова и снова рассматривала её и гладила пальцами и чуть ли не целовала.

Разумеется, о том, что я обожаю лилии и собираю нэцке, Кука узнал от Белого на «Кронверке». Надо отдать Куке должное – извлекать информацию из пьяных собеседников он научился замечательно. Будь он разведчиком – цены бы ему не было!

Весь вечер Кука был в ударе. Он рассказывал анекдоты (кстати, свежие!), показывал фокусы (вполне оригинальные) и один раз даже подпел дяде Рубэну вторым голосом в караоке (между прочим, достаточно чисто). Он разбил два блюдечка, облил чаем себя и своего соседа, несчётное количество раз ударился различными местами о мебель и дверные косяки и, плюс ко всему, выходя на балкон, умудрился оборвать штору вместе с карнизом. Но всё это получалось у него настолько походя, весело и где-то даже лихо, он настолько не закичивался на своих промахах и огрехах, что выглядело это всё совершенно естественно, как будто так и надо. Мы с Белым только сидели и обалдело переглядывались.

Гости, насколько я заметила, от Куки были в восторге (ну, разве что кроме дяди Жоры, которому Кука как раз и попортил чаем брюки). Матушка моя, так та, вообще, сияла, как начищенный самовар, – как будто Кука был её воспитанником и только что успешно выдержал экзамен в престижный колледж. Оксанка и та, улучив момент, кивнула мне на Куку и показала два больших пальца. Я же, при всём своём желании и при всей благодарности за чудовый подарок, восторгаться Кукой просто-напросто не могла. Я всё ещё видела его: нелепого, голого; грязного, как мысли грешника; ползающего по прибрежному илу с бледным перемазанным лицом и натужно рычащего на ни в чём не повинных охтинских лягушек.

Уходя, Кука клюнул меня носом в щёку и спросил, дозволено ли будет ему мне позвонить. «Звони, конечно, – сказала я. – Записывай телефон...» Но Кука сказал, что телефон мой он уже знает, выведал у моей матушки. «Ага, – сказала я, – ну, что ж... тогда тем более...» Почему «тогда тем более» я не знала и поэтому замолчала. Кука ещё немного подождал, потоптался в дверях, потом щёлкнул каблуками, мотнул по-фельдфебельски башкой, сделал налево кругом и, в последний раз ударившись плечом о косяк, канул в ночь.

Звонить он мне начал с понедельника и далее звонил по два-три раза в день целую неделю – приглашал на свидание. Я отбрыкивалась как могла. Во-первых, в понедельник Босс подкинул нам задачку, над которой мы все дружно свихнули себе мозги: сидели всю неделю в конторе до позднего вечера, ругались до хрипоты, выпили два кулера воды в виде кофе, но так ничего путного и не придумали – в пятницу Босс посмотрел на жалкие плоды наших усилий, обозвал нас слабосильной командой и приказал думать дальше. А во-вторых... А во-вторых, я просто не знала, как себя с Кукой вести. Нет, он уже не был мне противен, как раньше, он действительно оказался, как говорила Оксанка, прикольным, и было в нём что-то такое-этакое... неординарное, что ли. Да и невероятные его подарки обязывали. Если уж и не вешаться сразу на шею, то хотя бы проявить вежливую благосклонность. Но вот, ей-богу, не могла я придумать, как себя с ним вести. С любым из наших, из конторских, я чувствовала себя свободно и раскованно, потому что мы были друзьями. С любым парнем на улице я чувствовала себя свободно и раскованно, потому что я его знать не знала и чихать на него хотела. А Кука был, как говорится, ни то, ни сё. И своим он ещё не стал, и совсем чужим язык назвать его уже как-то не поворачивался. В общем, дотянула я кое-как до субботы. Думаю: ладно уж, деваться некуда, выходные есть выходные – сам бог велел на выходных решать личные проблемы; позвонит – пойду. А он не позвонил.

И в субботу не позвонил. И в воскресенье не позвонил. И в понедельник не позвонил тоже. А во вторник утром Белый мне говорит: «Ты б сходила, навестила своего крестника, а то он там совсем потух, как бы не помер от огорчения». «Кто потух? Куда сходить?» – не поняла я. «Ну, Кука твой в больнице лежит. В Мариинской. Ты б сходила к нему. А то он мне уже весь мозг по телефону вынес». «Кука?! В больнице?! – офигела я. – Что это с ним? Съел что-нибудь?» Белый только головой покачал. «Ну, ты, бро, как святая, ей-богу! Перелом у него. Руку он сломал. А ты разве не знаешь, что ли?»

Владимир Юринов, Андреаполь
(продолжение следует)

• Улыбнись

Владимир Павлов**Великие Луки**

*Родился в городе Западная Двина
Тверской области в день рождения
Советской Гвардии - 18 сентября, в
Грозу - под раскаты Грома и
вспышки молний, на Больничной
горе, где располагалось древнейшее
славянское Городище на берегу реки
Западная Двина, в Бабе Лето, в листовертный,
космический Год - 1961...*

К тексту автобиографии, нам остается добавить, что по профессии он врач-кардиолог. В Андреаполе бывал на литературных встречах.

* * *

Я – осенний поэт России,
Я – Есенин Великих Лук,
И не будет сюжета красивой,
И не будет у нас разлук...

Потому, что поэзия вечными
И в моей, и в иной стороне,
Согревает словами сердечными,
Как свеча на родимом окне...

ДОКТОР ЗЕЛЁНОГО ЦВЕТА*(песня- гимн дежурных врачей)*

Доктор зелёного цвета
Вновь на дежурстве «трубит».
Доктор зелёного цвета
Смерть он опять победит.
Горькое выпей лекарство,
И организм исцели,
Доктор зелёного цвета –
Ангел небесной любви.

Доктор зелёного цвета,
Выслушай сердце души.
Доктор зелёного цвета,
Ты уходить не спеши.
Нам расскажи о болезнях
И организм исцели,
Доктор зелёного цвета –
Ангел небесной любви.

Доктор зелёного цвета,
Будем мы жить иль помрём?
Доктор зелёного цвета,
Сколько мы лет проживём?
Дай свой рецепт долголетия
И организм исцели,
Доктор зелёного цвета –
Ангел небесной любви.

Доктор зелёного цвета
«Выплыл» с дежурства домой.
Доктор зелёного цвета,

Ты унеси нашу боль.
И утоли все печали,
И организм исцели,
Доктор зелёного цвета –
Ангел небесной любви...

АНДРЕАПОЛЬ*(застольная – правильная песня)*

Андреаполь, Андреаполь,
Ты прекрасней, чем Неаполь.
Андреаполь, Андреаполь –
Первый город на Двине.

Андреаполь, Андреаполь,
Ты прекрасней, чем Неаполь.
Всех Андреев главный город,
Любой атлас подтвердит.

Андреаполь, Андреаполь,
Ты прекрасней, чем Неаполь.
В водах Бросно* чудо-юдо
Легендарное живёт.

Андреаполь, Андреаполь,
Ты прекрасней, чем Неаполь.
Эскадрилья грозных «МИГов»
Расцелует небеса.

Андреаполь, Андреаполь,
Ты прекрасней, чем Неаполь.
Ильюшонок Миша спел нам:
- Я ромашек не кошу...

Андреаполь, Андреаполь,
Ты прекрасней, чем Неаполь.
Минералка с лимонадом
Очень вкусная у нас.

Андреаполь, Андреаполь,
Ты прекрасней, чем Неаполь.
Здесь Валерий свет Линкевич
На экскурсию сведёт.

Андреаполь, Андреаполь,
Ты прекрасней, чем Неаполь.
Приезжайте, убедитесь,
Низкий всем друзьям поклон...

* - озеро Бросно находится в
Андреапольском районе, и по многочисленным
легендам и свидетельствам в его водах живёт
чудовище Брося.